Новая реальность международных отношений

Владимир Фесенко

О «новой холодной войне» заговорили в 2014 году. Тогда страны Запада ввели санкции против России в качестве реакции на аннексию Крыма и вмешательство Москвы в конфликт на Донбассе, а Россия в ответ ввела контрсанкции против западных стран. Действительно, новое противостояние между Западом и Россией напомнило классическую холодную войну, которая возникла после Второй мировой войны.

Классическую холодную войну чаще всего определяют как глобальную геополитическую, военную, экономическую и идеологическую конфронтацию между двумя военно-политическими блоками: СССР и его союзниками, с одной стороны, и США и его союзниками – с другой. Прямой войны между двумя блоками не было, военные конфликты если и возникали, то в третьих странах (кстати, как и сейчас). Новое противостояние между Западом и Россией имеет схожие признаки: взаимные санкции, политическая конфронтация. Да, сейчас нет идеологической войны, зато есть все основания говорить об информационной войне и пропагандистском противостоянии. Правда, в этом измерении конфликта Россия играет активную роль, а Запад скорее пассивен.

Вроде бы, пока нет большой гонки вооружений, как это было в годы классической холодной войны. Но зато наблюдается наращивание военных сил и средств вдоль границ России со странами НАТО. Появляются и новые формы противостояния, например, кибер-войны. Поскольку события 2014 года в Украине часто называли гибридной войной, то не будет большим преувеличением назвать противостояние между Западом и Россией «гибридной холодной войной» (при всей банальности частого и расширительного использования понятия гибридная война).

При этом показательно, что многие западные политики и эксперты стали весьма эмоционально и настойчиво опровергать тезис о начале новой холодной войны между Западом и Россией, несмотря на довольно убедительные аналогии с классической холодной войной. Почему? Думается, проблема не в формальных

различиях между старой и новой холодными войнами и не в спорах по поводу дефиниций и корректности используемых понятий, а в психологии. Большинство западных лидеров и экспертов категорически отрицали тезис о новой холодной войне, потому что боялись ее повторения, панически отгоняли даже концептуальный призрак новой холодной войны. Такая позиция отражала политическую и психологическую неготовность Запада к серьезному системному противостоянию с Россией и даже боязнь такого противостояния. Поэтому предпринимались и разнообразные попытки (как со стороны Запада, так и со стороны России) не допустить усиления и расширения глобального противостояния, возникшего в 2014 году, найти некий взаимоприемлемый компромисс в урегулировании возникших конфликтных ситуаций.

Россия хотя и спровоцировала гибридную холодную войну, периодически пугала Запад новой холодной войной, но также опасалась усиления и расширения глобального противостояния. Цель Владимира Путина, скорее всего, заключалась в том, чтобы принудить Запад к некоему системному компромиссу, который предполагал бы закрепление за Россией глобальных сфер эксклюзивного влияния (в первую очередь, это – постсоветское пространство) и равноправного (с Западом) статуса в международных отношениях. Фактически речь шла о формировании нового мирового порядка. Некоторые наблюдатели называют эту предполагаемую геополитическую цель президента России – «Ялта-2» (по аналогии с Ялтинскими договоренностями 1945 года между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем). Но в том-то и парадокс ситуации, что именно Ялта-1945, разделившая мир на глобальные сферы влияния, во многом заложила предпосылки для будущей холодной войны. Поэтому гипотетическая Ялта-2, к которой Запад также не готов, не прекратит нынешнее противостояние, а, скорее, переведет его на новый уровень и в несколько другие формы.

Следует также помнить, что разрядка середины 1970-х годов не привела к прекращению холодной войны. Она была только попыткой договориться и стала лишь паузой перед новым обострением.

Если мы оцениваем новую международную ситуацию, то она характеризуется не столько рисками новой холодной войны, сколько лавинообразным и довольно хаотичным нарастанием неопределенности и конфликтности. В 2015 году в Европе возник масштабный миграционный кризис. Резко усилила свою агрессивность и игры с ядерным и ракетным оружием Северная Корея. В 2016 году полетели «черные лебеди» (если воспользоваться понятием Насима Талеба): Brexit, новая

ситуация в Турции и вокруг Турции, победа Дональда Трампа на президентских выборах в США. Существует большой риск, что полеты «черных лебедей» продолжатся и в 2017 году.

Мировой порядок, сформированный в начале 1990-х годов, зашатался и получил глубокую трещину в 2014 году. В 2016 году международная турбулентность вновь заметно усилилась, и появились новые трещины. Возможны различные сценарии дальнейшего развития международной ситуации – от капитального ремонта пока еще существующего миропорядка до его частичного переоформления и даже до его полного разрушения, когда на обломках старой мировой системы возникнет что-то новое.

Ни у кого – ни у Владимира Путина, ни у Дональда Трампа, ни у Ангелы Меркель – нет четких и надежных рецептов решения возникших проблем. Эти рецепты еще предстоит вырабатывать (в ряде случаев дорабатывать уже предложенные). Но было бы большой ошибкой попытаться решить все существующие проблемы скопом, в рамках какой-то глобальной пакетной сделки. Слишком уж различны эти проблемы – и по своим причинам, и по своей природе, и по возможному инструментарию их разрешения. Задача-минимум на ближайшее будущее – не допустить агрессивного обострения существующих конфликтных ситуаций и потери глобальной управляемости в дальнейшей трансформации международных отношений.

Владимир Фесенко
глава Правления Центра прикладных политических исследований «Пента» (Украина)